

ЧАК ПАЛАНИК

**БЕГЛЕЦЫ
И БРОДЯГИ**

18+

РОМАН

Чак Паланик

Беглецы и бродяги

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153725
Беглецы и бродяги: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-095178-9

Аннотация

Портленд, штат Орегон.

Здесь на излете «проклятых восьмидесятых» родилась дикая, неистовая гранж-культура, подарившая миру великий рок-н-ролл, гениальное кино и талантливую литературу.

Портленд, штат Орегон.

Город, который стал для «Поколения Икс» и его наследников тем же, что Сан-Франциско для хиппи, Лондон – для панков и Новый Орлеан – для черных готов. Контркультурный форпост нашего времени, в путешествие по которому вас приглашает культовый уроженец и летописец Портленда Чак Паланик...

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	5
Как разговаривать разговоры. Урок портлендского языка (открытка из 1981-го)	8 11
В поисках приключений (открытка из 1985-го)	13 20
Ням-ням: где можно вкусно покушать	22
Вареный горох с черными крапинками (открытка из 1986-го)	24 28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Чак Паланик

Беглецы и бродяги

FUGITIVES AND REFUGEES:

A Walk in Portland, Oregon

Печатается с разрешения Crown Journeys, an imprint of Crown Publishers, a division of Random House, Inc. и литературного агентства Synopsis.

© Chuck Palahniuk, 2003

© Перевод. Т. Ю. Покидаева, 2006

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

*Моей бабушке Рут Таллент
1920–2002*

Предисловие

Края распускаются в бахрому

– У каждого, кто живет в Портленде, есть три жизни как минимум, – говорит Катерина Данн, автор «Полоумной любви». Она говорит: – У каждого *по меньшей мере* три разные личности.

Она сидит на окне, на четвертом этаже, в своей квартире в северо-западном Портленде, скручивает папироски и курит. Ее длинные светлые волосы, расчесанные на прямой пробор, собраны в хвост. Очки в черной оправе. Батареи тихонько постукивают, внизу на Глисен-стрит воют сирены.

– Скажем, кассир в бакалейном отделе, археолог и байкер, – продолжает она. – Или поэт, трансвестит и продавец в книжном.

Она скручивает еще одну папироску и говорит:

– Тут все очень хитро, потому что богатые хорошо маскируются. И никак не поймешь: может быть, этот неряшливый дядечка за прилавком на самом деле какой-нибудь богатей, который может купить магазин целиком, прожевать и выплюнуть.

Она курит и говорит:

– А милые, вежливые старушки с Вест-Хиллс – с их аккуратными кофточками и перламутровыми украшениями, – они все яростные сторонницы смертной казни.

В окне у нее за спиной – зеленые холмы. На стенах – картины и книжные полки. Все стены выкрашены в насыщенные переливчатые цвета: зеленый и темно-красный. В вазе на столе в гостиной – желтые фрезии. В кухне над раковиной – фотография в рамке: Тресси, Катерина бабка по маминой линии, которая в возрасте восемнадцати лет самостоятельно ломанулась на запад и проехала по железной дороге через обе Дакоты, подвязавшись стряпухой в поезде, чтобы отработать проезд.

У Катерины есть своя теория: все, кто хочет начать новую жизнь, едут на запад, через всю Америку к Тихому океану. А из всех западных городов жизнь дешевле всего в Портленде. То есть мы, портлендцы, – самые тронутые из всех тронутых. Неудачники из неудачников.

– Все, кто с большим прибабахом, тут и оседают, – говорит она. – Все мы здесь – беглецы и бродяги.

В 1989 году у Катерины вышел роман «Полоумная любовь», сразу же ставший бестселлером. Место действия – Портленд. Эта книга – в ней рассказывается о семье нищих отверженных циркачей, которые специально рожают неполноценных детей-уродов, потому что публика любит смотреть на уродцев и готова за это платить, – пожалуй, самый известный роман из всех, где действие происходит в Портленде. Катерина хотела, чтобы действие «Полоумной любви» разворачивалось в таком месте, которое не вызовет у читателя никаких ассоциаций.

– В молодости, когда я жила в Париже, – говорит она, – я ходила по городу и видела город как его видят импрессионисты. Только так и никак иначе. Я видела город глазами импрессионистов и поэтому не могла воспринимать его по-другому.

Вот как родилась идея «Полоумной любви»: однажды семилетний сын Катерины, Бен, не захотел пойти с ней в Сад роз, и Катерина пошла одна.

– Я бродила среди гибридных цветов, и вдруг мне подумалось: «В природе так не бывает, а жалко – я бы тогда *сконструировала* себе очень послушного сына».

Она ходила в бассейн при Учебном центре городской общины, плавала и сочиняла историю для своей книги. Она много лет проработала в городской газете, вела еженедельную колонку «Кусочек из жизни» – про всякие странные, с сумасшедшинкой, случаи в Портленде.

Она говорит, что у Портленда теперь появилась своя индивидуальность.

– Теперь, когда кто-нибудь говорит «Портленд», или «Сиэтл», или «Валла-Валла», люди уже не таращат на него пустые глаза.

Сейчас Катерина Данн работает над новой книгой. У нее вышло переиздание «Полоумной любви» – для нового поколения восторженных почитателей. Но она все равно не собирается уезжать.

– Во-первых, я не умею водить машину, – говорит она. – И потом, я обожаю бродить по улицам. Тут на каждом углу поджидает история. – Она выдыхает дым в окно над Глисен-стрит. – Вот, – говорит она, – куда ни посмотришь, везде – история твоей жизни.

И Катерина права. Истории поджидают на каждом углу. И на каждом холме.

В 1980 году, ровно через шесть дней после школьного выпускного, я приехал в Портленд и поселился в квартире в Берлингем-Вью, на крутом склоне холма, густо заросшего ежевикой, над супермаркетом «Фред Мейер» на бульваре Барбур (ЮЗ).

Мы снимаем квартиру втроем: я и еще двое парней. Они оба работают в ресторане, так что у нас вся кладовка забита коробками с краденой едой. Несколько ящиков шампанского. Трехгаллонные банки с улитками в оливковом масле. Травку и прочие радости жизни мы покупаем у знакомого поставщика, который живет на Киллингсворт-стрит (СВ) и работает гончаром – сидит у себя в подвале, укуренный вусмерть, и ваяет кофейные кружки, по пятьдесят кружек в день. Подвал заставлен решетчатыми противнями с сотнями совершенно одинаковых кружек, которые дождаются своего часа, когда их обожгут в печи. Ему лет двадцать пять, двадцать шесть. Уже совсем старый.

Днем я работаю курьером в газете «Орегонец», развожу гранки рекламных объявлений. По вечерам мою посуду в ресторане морепродуктов «Jonah's». Ребята, мои соседи, приходят домой, и мы кидаемся друг в друга едой. Скажем, кусками вишневого пирога, большими липкими красными кусками. Нам по восемнадцать лет. Мы уже совершеннолетние. То есть взрослые – по закону. Каждый вечер мы курим травку и пьем шампанское, разогреваем улиток в микроволновке. Прожигаем жизнь.

В какой-то момент совершаю ритуальное жертвоприношение: выкидываю свои миндалины, которые мне вырезали в детстве, – я потом нашел их у себя, в банке с формальдегидом, с биркой больницы Лурдской Богоматери. Загадываю желание и широким жестом бросаю банку с балкона, в кусты ежевики, что покрывают весь склон.

Когда друзья и родные приезжали к тебе в Портленд, насчет культурной программы – развлечь гостей – тут все было нормально. Сперва ты водил их в Музей манекенов Ван Кальвина. Это душный и жаркий складской ангар, где сотни пыльных манекенов расположились в художественном беспорядке среди жутковатых декораций. Мне больше всего нравился зал, где семьдесят голых детишек, покорябанных и помятых, сидят перед громадным телеэкраном и смотрят черно-белые мультики.

Потом вы посещали Круглосуточную Церковь Элвиса, где священники женили туристов и прилюдно над ними стебались. Потом – Западное Общество большеногих. Потом – музей НЛО. Может быть, вы водили гостей на стриптиз в старом Каретном ряду. Или на дискотеку в клуб «Сафари», где были чучела редких видов тигров, львов и леопардов, изрядно потрепанные и провонявшие сигаретным дымом. Или на вечеринку ОРГАСМа (Орегонской гильдии активистов садо-мазо), где демонстрировались разнообразные способы связывания и оргазмических пыток. Потом вы катались на Сэнтреке, самой маленькой в мире железной дороге, а там уже и выходные заканчивались.

Вот так мы и жили в те старые добрые времена, когда Рональд Рейган и Джордж Буш (старший) называли Портленд Маленьким Бейрутом и приезжали сюда с опаской. Каждый такой приезд означал, что под окнами президентского номера в «Хилтоне» на Бродвее (ЮЗ) обязательно соберется толпа анархистов. Они объедались картофельным пюре, обычным белым или подкрашенным пищевыми красителями – красным или синим. Потом, когда прибывал президентский кортеж, они пили сироп рвотного корня и облеивали весь отель белым, красным и синим.

Правда, никто не знал, что под воздействием желудочной кислоты синий пищевой краситель становится зеленым. Так что все это смотрелось как будто они протестуют против Италии... Но исполнение – это не главное. Главное – сама *идея*.

Тяжкий вздох.

Одна беда с неподшитым краем: не закрепишь – будет мохриться.

Сейчас в Портленде живут Тоня Хардинг и Боб Паквуд. Для сотрудников ФБР, которые «отрабатывают» серийных убийц, Тихоокеанский северо-запад – это убойная зона Америки, потому что народ тут доверчивый и дружелюбный. Пустынная, дикая местность – всегда под рукой. Климат дождливый, и все очень быстро сгнивает.

Эта книга – как бы собрание моментальных снимков из портлендской жизни. Такой фотоальбом, но в словах. От убийц с топорами до пингвинов, фетиширующих на ботинки. От подпольных опиумных притонов до экскурсионных пожарных выездов и живых секс-шоу. В официальной истории Портленда вы ничего этого не найдете. От разбуянившихся Санта Клаусов до Самоочищающегося Дома. И это только верхушка айсберга под названием Портленд, штат Орегон. Мифы. Слухи. Истории с привидениями. Кулинарные рецепты. Немного истории, немного легенд. И люди, конечно же, люди – чистосердечные, замечательные, дружелюбные. Прекрасные люди, которым, может быть, стоило попридержать язык.

А между встречами с людьми и местами, куда обязательно надо сходить или съездить, будут открытки. Но не из городов и местечек, а из определенных мгновений в Портленде.

Например, моя первая портлендская квартира на бульваре Барбур. Через месяц одного из моих соседей в третий раз арестовали за вождение в пьяном виде, и он поспешно уехал в Сиэтл, чтобы его не засадили в тюрьму. Второй сосед влюбился в какую-то шведку. Она подарила ему золотую ложечку для кокаина с рубином на ручке, и они тоже уехали, чтобы пожениться.

Из трех моих жизней – курьер – посудомойщик – вечно укуренный раздолбай – одной я лишился в тот достопамятный вечер, когда какие-то двое парней ограбили ресторан «Jonah's». На головах у них были наволочки, а в руках – дробовики, они велели мне лечь на асфальт на стоянке. Я так долго лежал, прижимаясь лицом к асфальту, что у меня потом лоб был – сплошной синяк. Хозяин ресторана хотел сплутовать и получить по страховке как можно больше и попросил, чтобы я в разговоре с полицией вдвое завысил число украденного имущества. В кои-то веки я сказал правду, и меня вышвырнули с работы.

Я переехал со старой квартиры в комнату.

И все-таки где-то там, на крутом склоне холма, среди кленов и зарослей ежевики, лежат мои детские миндалины. Там, куда я их зашвырнул. Я тогда загадал желание: стать писателем.

Как разговаривать разговоры. Урок портлендского языка

Мы, орегонцы, даже название своего штата произносим не так, как все. Вы говорите: «Оре-ГОН». Мы говорим: «О-регон». Ничто – за исключением калифорнийских номеров на машине – так сразу не выдает чужака, как произношение наших местных словечек. Ниже приводится краткий список городского портлендского сленга с указанием, как правильно произносить слова типа Уилламетт, Малтномах и Кауч.

Шарик «Бэн» (или просто Бэн): дом № 1000 на Бродвее (ЮЗ), где располагается кинотеатр «Бродвей Метроплекс». Прозвище этого здания происходит от названия мужского шарикового дезодоранта «Бэн» («Запрет») (ban roll-on), потому что на крыше есть невысокий белесый купол, похожий на шарик от дезодоранта.

Ключи Бенсона: фигурные уличные питьевые фонтанчики в деловой части Портленда, которые подарил городу лесопромышленник Саймон Бенсон.

Большой румяный: самое высокое здание в Портленде, сорокатрехэтажная башня банка «u.s. bankcorp» на углу Бернсайд-стрит (З) и Пятой авеню (ЮЗ).

Черный ящик: здание в космополитическом стиле на Маркет-стрит (ЮЗ), 200.

Джинса: прозвище города Юджин, где располагается Орегонский университет, в частности, кафедра свободных искусств.

Орего-гонец: прозвище ежедневной газеты «Орегонец». Фишка в том, что название видится как «Орегонский гонец» – «тот, кто гонит».

Писающие мальчики (писающие певчие): фонтан из пяти изогнутых струй на углу Бернсайд-стрит (З) и Пятой авеню (ЮЗ). Также известен как «Мойка автомобилей».

Корн Вэлли: прозвище города Корваллиса, где расположен Орегонский университет штата и высшая сельскохозяйственная школа штата. По созвучию corvallis (Корваллис) и corn valley (Кукурузная долина).

Кауч (Кушетка): произносится «Куч». Улица, проходящая через северо-западный и северо-восточный Портленд, названа в честь орегонского пионера, капитана Джона Кауча.

Круиз по центрам: традиционный маршрут прогулок портлендских подростков, на юг по Бродвею (ЮЗ) и на север по Четвертой авеню (ЮЗ).

Чертов Треугольник: треугольник, образованный Бродвеем (ЮЗ), Старк-стрит и Одиннадцатой авеню (ЮЗ). Там расположены бар «Сильверадо» и мужские бани «Портлендский клуб».

Клизма-21: так сотрудники «Кинематографа-21» называют свой кинотеатр, расположенный на Двадцать первой авеню (СЗ). По созвучию епета (клизма) и سینема (кинематограф).

Эсте Лаудер: прозвище гей-бара «Убойный».

Злачный квартал (Зона): район в юго-восточном Портленде между Фостер-роуд (ЮВ), автострадой № 205 и бульваром Джонсон-Крик. Отличается самой высокой плотностью подпольных нарколабораторий. Среди жителей Зоны самый высокий процент уголовников, отбывших тюремное заключение.

Рыбное место: ресторан «Рыбный грот». Когда-то там был популярный бар, где одинокие мужики снимали себе проститутку и где Катерина Данн (автор «Полоумной любви») работала официанткой на коктейлях.

Чесночный проезд: район, где раньше селились одни итальянцы, на южной оконечности Бельмонт-стрит (ЮЗ), рядом с Одиннадцатой авеню.

Гетто: бары и танцевальные клубы вокруг ресторана «Рыбный грот» на углу Одиннадцатой авеню (ЮЗ) и Старк-стрит.

Глисен: раньше произносилось «ГЛИСС-ен», теперь произносится «ГЛИ-син»; улица, проходящая через северо-западный и северо-восточный Портленд, названа в честь пионера Фронтира доктора Родни Глисена. В произношении «Глисин» название улицы созвучно «glee-sin» – «веселый грешок».

Раджниш-Отель: здание из красного кирпича на углу Одиннадцатой авеню (ЮЗ) и Мейн-стрит, где раньше располагался отель Марты Вашингтон для женщин, а теперь располагается окружная тюрьма Малтномаха. В 1980-х зданием владели последователи культа Бхагвана Шри Раджниша.

«Луи Луи»: дом № 409 на Тринадцатой авеню (ЮЗ), где группа «the kingsmen» записала свою знаменитую композицию «Луи Луи». Студия на втором этаже сохранилась и по сей день, и теперь ею владеет местная продюсерская компания «food chain films». Бронзовую табличку на входе в здание давно украли.

Особняк Климакс: многоквартирный дом Айона-Плаза рядом с Портлендским университетом штата (особенно после 1985 года).

Малтномах: произносится с ударением на втором слоге Малт-НО-мах. Происходит от туземного слова *Немалтномак*, названия племени индейцев, стоянку которых Льюис и Кларк обнаружили во время своей экспедиции по оregonским землям. Название округа, который включает в себя почти весь Портленд.

Мерфи и Финнеган: старое прозвище универмага «Мейер и Франк», на углу Пятой авеню (ЮЗ) и Алдер-стрит.

Козырный холм: богатый район от Бернсайд-стрит (З) до Петтигроув-стрит (СЗ), к западу от Семнадцатой авеню (СЗ).

Северный полюс: Северный Портленд.

Старый город: район в центре Портленда к северу от Бернсайд-стрит (З) и к востоку от Бродвея (СЗ). Ранее известный как «Северный край», «Дьявольский город», «Гиблое место» и «Большой Эдди», это был настоящий рассадник проституции, наркотиков и азартных игр.

Жемчужный загон: район сразу к северу от Бернсайд-стрит (З) и к западу от Бродвея (СЗ). «Смешанная» территория дорогих кооперативных домов и муниципальных многоквартирных домов для людей с низким доходом. Отличается самой высокой плотностью художественных галерей, ресторанов, ночных клубов и маленьких магазинчиков.

Пигготтова придурь: замок, построенный в 1982 году Чарльзом Пигготтом на Бекин-гем-авеню (ЮЗ).

ПУШок (Пухлый): Портлендский Университет штата.

Прости-тявки: беспризорные дети, промышляющие уличной проституцией.

Дурдом: супермаркет «safeway» на Джефферсон-стрит (ЮЗ), между Девятой и Одиннадцатой авеню (ЮЗ). Любимое место городских сумасшедших, магазинных воришек-нарков и студентов из расположенного неподалеку Портлендского Университета штата.

Пошли все на: прозвище Портландии, огромной бронзовой статуи женщины с зубцем, созданной скульптором Раймондом Каски и установленной над входом в небоскреб Портленд-билдинг на Пятой авеню (ЮЗ), 1120. Статуя как бы грозит прохожим пальцем, но снизу кажется, что она показывает вытянутый средний палец, что, собственно, и означает «Пошли все на».

Камышата: студенты и выпускники Колледжа Рида, среди которых был и Баррет Хансен, известный как доктор Дементо. Прозвище родилось по созвучию reed (Рид) и reed (камыш).

Шницель: Концертный зал Арлен Шнитцер на углу Бродвея (ЮЗ) и Мейн-стрит, некогда – «paramount», изысканно мрачный, отделанный черным и золотым зал для рок-концертов, а еще прежде – кинотеатр «Портленд».

Серебряный дилдо: прозвище бара «Сильверадо», где проходит мужской стриптиз. См. также Чертов Треугольник.

Вонючий город: район к югу от южной оконечности моста Сент-Джонс-бридж, где расположен заброшенный газоперерабатывающий завод. Разрушающееся административное здание завода с часовой башней на крыше считается самой фотографируемой достопримечательностью Портленда.

Три генитальки в фонтане: прозвище статуи «Поиск», созданной графом Александром фон Свобода, в западной части офисного центра страховой компании standard insurance, на углу Пятой авеню (ЮЗ) и Сальмон-стрит.

Трастафари: потенциальные хиппи и активисты различных движений (наркотического, анархического, «зеленого»), которые носят одежду из конопляной пеньки, душатся эфирным маслом пачули и притворяются бедными, хотя получают очень даже приличный доход из трастовых фондов, учрежденных богатенькими родителями.

Круглосуточная церковь Элвиса: художественная инсталляция и храм, располагавшийся в свое время на Анкени-стрит (ЮЗ), 720.

ВК: «Кафе Вирджиния», бар и ресторан на Парк-авеню (ЮЗ), 725.

Уилламетт: произносится «вил-ЛАМБ-мет», происходит от индейского слова *Валламт* («пролитая вода»). Изначально название относилось к водопадам к югу от Портленда, близ Орегон-Сити. Сейчас так называется река, что течет через Портленд на севере.

Ведьмин дом: либо дом Саймона Бенсона (недавно отреставрированный и перенесенный на территорию Портлендского университета, в Саус-Парк-Блокс), либо особняк Дэвида Кола на МакКлиллан-стрит (С), 1441, где в верхней комнате в башне когда-то сидела старуха и наблюдала за проходившими мимо детишками, либо Каменный Дом – парковая постройка итальянских каменщиков на Балтс-Крик под Турман-стрит-бридж.

(открытка из 1981-го)

Кислота и ЛСД – это одно и то же. Я почему обращаю на это внимание: я сам этого раньше не знал.

В этом году мне девятнадцать. Я снимаю комнату на втором этаже, в доме № 2221 на Фландерс-стрит (СЗ). Джинсы мы с друзьями покупаем в «Squire» на углу Бродвея (ЮЗ) и Алдер-стрит. Мы носим плотницкие штаны с завышенной талией, с такой, знаете, петелькой на бедре, чтобы можно было повесить молоток. В «Squire» есть малярские брюки из белой джинсы и инженерные джинсы в полоску. Мы слушаем «Flying Lizards» и «Pink Floyd».

Еще когда я учился в школе, я посмотрел один жутковатый фильм. Называется «Фокус на кислоте». Кислота изменяет сознание: под кислотой можно принять пламя газовой плитки за красивую голубую гвоздику. Со всеми вытекающими последствиями. А через несколько лет может случиться обратный удар, тебе вставит без всякого препарата, и ты разобьешься на машине.

И все же, когда друзья предложили скушать по марочке ЛСД и пойти в планетарий в ОМНТ (Орегонский музей науки и техники) на световое лазерное шоу под «Pink Floyd», я сказал: да. Давайте.

Рассуждал я примерно так: ЛСД – это диэтиламид лизергиновой кислоты. Простой алкалоид. Обыкновенное химическое вещество. Все по науке.

Была зима. Тогда ОМНТ располагался на Вест-Хиллс, на холме высоко над городом, рядом с зоопарком. В декабрьских сумерках мы уселись на промозглой стоянке у планетария и съели по маленькой бумаженции, пропитанной ЛСД. Я был подготовлен: друзья рассказали, чего ожидать. Сперва мы будем смеяться – и улыбаться так долго и напряженно, что лицевые мышцы будут болеть еще несколько дней. Потом мы будем скрипеть зубами. Об этом следует знать заранее, чтобы не сточить себе зубы. Все цвета, все источники света станут размытыми, как хвост кометы. Нам будет казаться, что краска стекает со стен. Мы сначала посмотрим лазерное шоу, а потом прогуляемся по Вест-Хиллс и будем втыкать на рождественские огни.

Планетарий ОМНТ – это большой круглый зал, где сиденья располагаются по всей окружности, а в центре стоит проектор. Мы садимся. Я сижу так, что слева – мои друзья, а справа – какая-то незнакомая тетенька. В колонках включается «Floyd», на черном куполе пляшут красные лазерные закорючки, а я все смеюсь и смеюсь и никак не могу остановиться. Играет «Dark Side of the Moon», а у меня болят челюсти. Играет «The Wall», и друг, который сидит рядом со мной, говорит: «Возьми что-нибудь в рот». Он говорит: «Иначе зубы сотрешь».

Он прав. Во рту уже горячо, и появился такой обжигающе металлический привкус, как это бывает, когда тебе сверлят зуб. Это я с такой силой скриплю зубами.

Сейчас декабрь. Мы все – в джинсовых куртках, подбитых искусственной овчиной. Спортивные шапки, толстые вязаные шарфы. Пихаю в рот шарф и жую.

Потом – я не помню, что было. А потом вдруг оказалось, что я задыхаюсь. В горле – что-то сухое и мягкое. Пытаюсь откашляться. Рот забит чем-то пережеванным и пушистым. Вроде как нитки. Или волосы.

Лазерные закорючки мечутся в темноте, в колонках гремит «Pink Floyd», а мой шарф – он какой-то совсем не такой. Слишком мягкий. Сплюываю на ладонь ворсинки. Да это же мех. Норка, кролик – я не особенно разбираюсь. Но что мех – это точно.

Тетенька, что сидит справа, – у нее меховая шуба. Она сняла ее с плеч, чтобы не было жарко. А один рукав упал ко мне на колени. То есть я в темноте не увидел и сжевал не свой шарф, а рукав ее шубы – выел весь мех от локтя до манжеты.

Друзья пытаются передать мне бандану, политую каким-то чистящим растворителем. Чтобы вдохнуть и догнаться. Растворитель ужасно вонючий. С ароматом несвежих носков. Люди вокруг возмущаются: что за запах.

Представление подходит к концу. Скоро музыка доиграет, лазеры выключат. Включится свет. Зрители встанут с мест. Примутся надевать шапки-перчатки. И незнакомая тетенька справа заметит, во что превратился рукав ее шубы. Она увидит, что у меня весь рот – в липких мокрых ворсинках. И шерсть между зубами. А я буду сидеть и пытаться откашляться – кроликом там или норкой.

Друг, который сидит слева, пихает меня локтем, все еще пытаюсь всучить мне бандану, политую вонючим растворителем. Четыреххлористый углерод – еще одно очень простое химическое вещество. А тетка, чья шуба, морщится и говорит: «Господи, чем это пахнет?»

Как только кончается последняя песня, но до того, как включится свет, я встаю с места. Говорю друзьям, что пора на выход. Вот прямо сейчас. Пихаю их по проходу. Зажигается свет. Я толкаю ближайшего из приятелей. «Бежим. Все вопросы – потом, а сейчас быстро сваливаем».

Они, понятное дело, решили, что это прикол. И мы бежим к выходу. На стоянке у планетария темно. Пока мы сидели внутри, пошел снег.

Снежинки похожи на пушистые комочки. Мы бежим сквозь снегопад. Сквозь ночной Вашингтон-парк. Мимо зоопарка и больших домов в переливах рождественских огней. Каждое пятнышко света – как размытый мазок. Как хвост кометы. Мы бежим сквозь сад роз. Внизу раскинулся город. Мои друзья смеются. Их пальцы и лица воняют химическим растворителем. Они бегут сквозь снегопад. Они уверены, что это такой прикол.

В поисках приключений

Все нижеследующее – это почти как реальный кислотный трип минус повторные галлюцинации. Испытайте, что это такое: войти в чей-то мир и прожить там пару часов. Эти четырнадцать портлендских мест – самое лучшее доказательство, что мы все живем в разных реальностях.

1. Самоочищающийся Дом

На табличке на входе написано: НЕ НАСТУПИТЕ НА ЯДОВИТЫЙ ПЛЮЩ И НЕ КОРМИТЕ БЫКА, – и это не шутка. Иначе датский дог Молли перегрызет вам глотку.

Это всемирно известный Самоочищающийся Дом, спроектированный и построенный изобретательницей Франсис Гейб, художницей, выдумщицей и великой рассказчицей. Стены сложены из бетонных блоков, опрокинутых набок, так что отверстия в плитах образуют маленькие окошки. Окошки герметично запаены плексигласом, а внутри стоят всякие милые безделушки, с которых не надо смахивать пыль.

Некоторые открытые блоки заделаны янтарным стеклом, отчего свет в помещении становится золотистым, как сотовый мед. Как будто это не дом, а пчелиный улей.

– Свет должен пронизывать дом насквозь, – говорит Франсис.

Входная дверь – это цельная пластина, отлитая из смолы, с запечатанными внутри полосками древесной коры. Дерево называется сумах, и кора у него красно-лиловая. Франсис была от него без ума и долго пыталась подобрать краску того же оттенка. У нее ничего не вышло, но ей очень хотелось, чтобы в доме присутствовал этот цвет, и в итоге она придумала вот такую инкрустацию в смоле. К ее несказанному огорчению, от смолы кора почернела.

Чтобы сделать уборку в доме, нужно всего лишь нажать на кнопку, чтобы включить вращающиеся разбрызгивающие устройства, вделанные в потолок в каждой комнате. Мыльный раствор поступает прямо в трубы. Нажимаем другую кнопку – и из душа под потолком льется чистая вода, смывающая мыло. По наклонному полу вода стекает в камин со сливом. Потом включается сушка: что-то вроде большого фена с горячим воздухом. Все полки на кухне – открытые, с решетчатым дном, так что вода просто стекает на пол. На кухне устроен мусоропровод с выводом в мусорный бак на улице. Одежда стирается и сушится прямо в шкафу, на вешалках, прикрепленных к подвижной цепи, которая «прокатывает» предназначенные к чистке вещи по всем трем секциям шкафа. Первая секция – что-то вроде стиральной машины; вторая – сушилка; третья – собственно шкаф, где висят чистые вещи.

Выбирая строительные материалы, Франсис остановилась на бетонных блоках, чтобы отвести термитов, муравьев и грызунов.

– Они все ищут себе жилище и с большим удовольствием поселились бы здесь, у меня.

Но, несмотря на бетонные стены, один бурундук все же повадился угощаться ее бананами.

Все стены в доме увешаны картинами и карандашными зарисовками Франсис, картины залиты водонепроницаемым пластиком, чтобы уберечь их от воды. Полы слегка наклонены: на полдюйма на каждые десять футов. В доме есть только один водонепроницаемый предмет – ковер на полу. Перед каждой «помывкой» его надо скатывать и убирать. Дом выдержал два землетрясения, три наводнения и ураган 1962 года, на День Колумба.

На стене в рамке висит государственный патент на изобретение Самоочищающегося Дома.

– Это единственный в своем роде патент, – говорит Франсис. – Это не просто листочек, это целая *книжка*.

Под верхним листом – еще двадцать пять разных патентов на различные устройства, которыми оснащен дом.

Сегодня Франсис надела ярко-красный свитер и красные брюки. Очки в черной оправе. Короткая стрижка, седые кудрявые волосы. Она почти не ходит, только от стула к стулу, а потом – к креслу-коляске, на котором обычно и передвигается по своей студии, от чертежной доски к столу. Сейчас у нее еще около полудюжины разных проектов, над которыми она работает одновременно. Ее собака, датский дог Молли, не отходит от нее ни на шаг.

Франсис Гейб, урожденная Франсис Грейс Арнхольц, родилась в 1915 году и поменяла аж восемнадцать школ, потому что ее отец, подрядчик-строитель, постоянно переезжал с места на место.

– Я родилась необычной девочкой, и в школе мне было нечего делать, – говорит она. – Все было так скучно, так медленно. Помню, в последний день я встала прямо на уроке и сказала училке: «Это вы нам объясняли на *прошлой* неделе!»

Она добавляет:

– Мне хотелось скорее всему научиться и уже не ходить ни в какую школу!

В шестнадцать лет, в 1931 году, Франсис окончила политехнический колледж. В семнадцать лет вышла замуж за Герберта Гранта Бейтсона.

– Он был ростом шесть футов два дюйма, а я – пять футов два дюйма, и нас постоянно дразнили, – говорит она. – Он был строителем-подрядчиком, а я – начальником собственного мужа.

После развода она поменяла фамилию на Гейб, которую составила из первых букв своего второго имени (Грейс), девичьей фамилии (Арнхольц) и фамилии по мужу (Бейтсон). Она объясняет:

– Я добавила еще «е», чтобы было Gabe, а не Gab.¹

Камин у нее в спальне выложен плиткой, отлитой вручную. На каждой плитке стоит клеймо с инициалами Франсис. Ф.Г.А.Б.

В 1940 году она изобрела свой самоочищающийся дом и объехала всю страну, демонстрируя его модель. Эта модель только что вернулась домой из Далласа, штат Техас, куда ее взяли на время, чтобы выставить в Женском музее.

– А теперь, – говорит она, – люди требуют чертежи и поэтажные планы для этой модели.

Чтобы посмотреть на Самоочищающийся Дом, надо ехать на юг через Портленд по федеральной автостраде № 5 до съезда на Ньюберг. Потом – на юг по шоссе 99W, через Тигард, до города Ньюберга. Проезжаете через центр, на Мейн-стрит сворачиваете налево. Доезжаете до следующего светофора – там еще будет знак «СТОП», – где Мейн-стрит переходит в Дайтон-авеню. Едете по Дайтон-авеню, до моста через овраг. Потом – первый поворот направо, на гравийную дорогу, и до упора. Последний дом у дороги – это и есть Самоочищающийся Дом. Но предварительно – мой вам добрый совет – *обязательно позвоните!* Телефон: 503-538-4946. Будьте вежливы и готовы к тому, что вас попросят заплатить за экскурсию, пусть даже чисто символически.

У себя в студии, где из широких окон открывается вид на каньон Чехалем-Крик, Франсис Гейб работает над чертежами и поэтажными планами своего знаменитого дома.

– Еще в средней школе, – говорит она, – мой психиатр сказал мне, что я даже не гений, а гений в квадрате. «Мир принадлежит тебе, а если тебе кто-то скажет, что это не так, то ты просто не слушай».

¹ Gab (англ.) – здесь: болтушка. – *Примеч. пер.*

2. Дом Пденки**

Забудьте про «Монологи вагины». Эта театральная труппа из трех женщин и двоих мужчин прошла путь от уличного лицедейства, когда они разгуливали по городу в одних джи-стрингах, сплетенных из искусственных волос, до вступительных номеров в Орегонском балетном театре. Где бы вы их ни встретили, они непременно толкнут вам дозу своей экспериментальной комедии и музыки.

3. Баскетбол на вулкане

Холмы Маун-Табор, Маунт-Скотт и Роки-Бьют в восточной части Портленда – это вулканические кратеры, оставшиеся после последнего извержения ныне спящего вулкана Маунт-Худ. Кратер Маунт-Табор залит асфальтом, и сейчас там играют в баскетбол – до следующего извержения.

4. Гонки мыльниц для взрослых

Каждый август взрослые дядьки устраивают гонки на самодельных автомобилях по крутым склонам холма Майн-Табор. Машины бьются. Люди калечатся. И кто-то становится победителем. В общем, полный балдеж. Предварительные заезды проходят в районе 10 августа, финал – две недели спустя. Предприятие спонсирует бар «Beulahland», где всегда можно встретить кого-то из гонщиков. Это на Двадцать восьмой авеню (СВ), 118. Телефон: 503-235-2794.

5. Буйство Санта Клаусов

«Красный поток» из нескольких сотен развеселившихся Санта Клаусов, упившихся галлюциногенной настойкой – марихуана на роме, называется «Поебка северных оленей», – считает элегантные праздничные приемы, проносится через шикарные рестораны, зажигает в стрипклубах, не давая расслабиться никому из сотрудников Центрального портлендского полицейского управления, у которых под Рождество каждый год обостряется паранойя. Подобные «буйства» проходят во многих городах Америки, но портлендские – на вторых выходных декабря – все-таки самые буйные и самые лучшие. Подробнее смотри «Открытку из 1996-го».

6. Распевки Эмили Дикинсон

А вы знаете, что любое стихотворение Эмили Дикинсон можно пропеть на мотив «Желтой розы Техаса»? 10 декабря – в день рождения Красавицы из Амхерста – приходите в «Кафе „Лена“» (Готорн-бульвар (ЮВ), 2239) на распевки избранных произведений Дикинсон.

7. Заброшенная дорога в охотничий домик

Если ехать из города, то найти старую дорогу в охотничий домик практически невозможно, как уверяет портлендский архитектор Бинг Шелдон. Изначально это была извилина

стая, двухполосная дорога, проходившая по живописным местам: по каменным мостикам, мимо черничных полей. Бинг говорит:

– Это подлинное сокровище, жалко, что неоткрытое.

Дорогу, как и сам домик, построили во время Великой Депрессии, но к концу Второй мировой войны дорога пришла в негодность, и городские власти построили новую.

– Там еще осталось покрытие, и по ней можно ездить, – говорит Бинг. – Это действительно подвиг инженерной мысли, ее строили под уклоном в шесть градусов.

Чтобы разыскать эту дорогу, говорит он, надо начинать с конца. С охотничьего домика. Значит, вы едете в сторону города, доезжаете до первой вышки кресельного подъемника, и там будет нужная вам дорога – она уходит направо, как раз под подъемником.

8. Экскурсионные пожарные выезды

Портлендские пожарные выезжают по вызову в среднем раз в три часа. Если вы подождете, вас тоже возьмут на пожар. По словам представителя пожарной охраны, для того, чтобы поехать с бригадой на вызов, не нужно вообще ничего. Главное, чтобы вам уже исполнилось восемнадцать. Есть восемнадцать – тогда можно ехать. Нельзя лишь одного: лезть в огонь. Вот так всегда. Самое интересное запрещено. Если вы соберетесь на такую экскурсию, предварительно договоритесь с начальником пожарной станции по телефону.

9. Это не женщина

Почти все уверены, что Грейси Хансен мертва.

Хансен долгие годы была королевой Портленда. Со своим пышным бюстом и громким смехом она была королевой программы «Ревущие двадцатые» в отеле «Ноут», в этом дворце притворно-беспечных девяностых, в этом собрании древностей и спецэффектов, построенным кем-то из ведущих голливудских художников-декораторов.

До 1961 года Грейси Хансен была скромной школьной учительницей в Мортоне, штат Вашингтон, которой претила тихая жизнь маленького провинциального городка. Она мечтала уехать в Сиэтл и поставить феерическое бурлеск-шоу на Всемирной ярмарке 1962 года.

– Ей нужны были деньги, пятьдесят тысяч долларов, – говорит хореограф Рокси Лерой Нейхардт. – И она нашла сорок девять китайцев и одного грека, у которых у каждого было по тысяче. – Он говорит: – А в итоге у них подавали блюда греческой кухни – вот и пойми почему.

После закрытия ярмарки остались только «Космическая Игла» и Монорельс. Харлей Дик, который тогда перестраивал старый портлендский «Ноут Hotel», пригласил Хансен с ее бурлеск-шоу к себе в Портленд. В его баре «Barbary Coast» не было электричества, только газовое освещение, и он был знаменит на весь город своим писсуаром в мужском туалете: скульптурным, ландшафтным фонтаном, куда, собственно, все и писали. Говорит Рокси:

– Это был старый грязный гараж, но они превратили его в конфетку. В такой роскошный салон из прошлого века.

Именно в отеле «Ноут» местный актер Уолтер Коел впервые надел женское платье. Для смеха. Это платье Рокси «позаимствовал» из гардероба Хансен.

– Грейси это увидела и *жутко* разозлилась, – говорит Уолтер. – Но она ничего не сказала, потому что мы были с ней не знакомы.

Трансвеститы, говорят Рокси и Уолтер, для Портленда это не новость. В каждой водевильной программе, в каждом бурлеск-шоу обязательно был мужчина, переодетый в женщину, обычно – конференсье. Известного нью-йоркского имперсонатора Джулиана Элтинджа в Портленде приняли на «ура», и около дюжины афиш с изображением Элтинджа,

переодетого в женщину, висели в портлендском театре Хейлига, пока здание не снесли. Начиная с первой половины 1900-х годов в баре «Harbor Club» на углу Первой авеню (ЮЗ) и Ямхилл-стрит регулярно проходили шоу трансвеститов. Это был единственный во всем Орегоне бар, куда не пускали матросов и офицеров из ВМС США. В тридцатых годах трансвестит-шоу переехало в Мюзик-холл на Десятой авеню (ЮЗ), 413, где в сороковых открыли клуб «Румба». В пятидесятых годах знаменитая гастролирующая труппа женских имперсонаторов из Канзас-Сити, «Jewel Box Revue», выступала в Портленде, в «Клеверном зале» Россини, где теперь бизнес-центр, над магазином игрушек «Finnegan's».

В 1960-х годах Рокси был хореографом и танцором в Лас-Вегасе. С Хансен они познакомились в Голливуде, где они оба закупали костюмы для своих шоу. Рокси согласился приехать в Портленд, но лишь на шестнадцать недель – чтобы помочь с постановкой новой программы «Ревущие двадцатые». Как-то вечером в старом трансвестит-баре «Dahl and Penne's» он познакомился с Уолтером Коелом, местным актером и бизнесменом, который владел первой в Портленде «битнической» кофейней «Café Espresso» и джаз-клубом «Студия А» на углу Второй авеню (ЮЗ) и Клей-стрит и играл в «Пожарном театре» на Монтгомери-стрит (ЮЗ).

– Адвокаты и доктора, – говорит Уолтер, – вот и все мои роли в театре. Но тут хотя бы с костюмами не было никаких проблем, наденешь обычный костюм – и вперед, на сцену.

В начале пятидесятых Имперский Суверенный Двор Розы установил традицию – каждый год на Хеллоуин избирать императора и императрицу. В 1974 году лауреат Пулитцеровской премии журналист Рэнди Шилтс, который тогда был студентом Орегонского университета, получил национальную премию Уильяма Рэнфольфа Херста за статью про Имперский Двор Розы. Но в официальной истории Портленда трансвеститы не упоминаются – равно как и бордели, духи и привидения и практика спаивания матросов, чтобы умыкнуть их в плавание.

В 1972 году Уолтер Коел – в платье Грейси Хансен и под именем Дарселл – стал пятнадцатой императрицей Портленда, или второй императрицей, избранной по новой системе общегородского голосования, учрежденной за год до этого.

Но Уолтер позаимствовал у Грейси не только наряды. Он перенял весь ее сценический образ. Когда «Hoyt Hotel» закрылся, Уолтер в каком-то смысле *стал* Хансен. Да, диабет лишил Грейси сперва ноги, а потом жизни, но Грейси Хансен живет – ее шутки, ее наряды, ее громкий смех, ее яркая личность – в образе Дарселл XV.

Ну, вроде как ее шутки.

На представлениях, говорит Уолтер, Хансен выходила на сцену с большим веером из перьев. Но на репетициях новой программы веер был из бумаги, и Хансен записывала на него свои реплики. У нее была слабая память. Она делала паузу, быстро считывала с веера очередную реплику и произносила ее вслух.

– А чтобы обновить материал, – говорит Уолтер, – она ездила в Лас-Вегас, на Тотти Филдз, и тайком проносила в зал *магнитофон*.

Уолтер говорит:

– Я унаследовал весь ее гардероб и кое-что ношу до сих пор. Ее украшения. Ее швейная мастерская тоже досталась мне... И я до сих пор украшаю костюмы блестками, бусинами и фальшивыми бриллиантами из запасов «Hoyt Hotel». – Он показывает фотографию в рамке, где он заснят в образе Дарселл, в синем с блестками платье от Грейси Хансен.

А если спросить у него:

– А что, оно и сейчас на тебя налезает?

Уолтер говорит:

– Э...

И народ из его клуба смеется.

– Ну хорошо, хорошо! – кричит он. – Ну, я там сбоку добавил перьев. Но это ж не грех!

В 1972 году, когда Уолтер открыл свой клуб в Старом городе, Рокси выступал у него в программе. Танцевал чечетку.

– В первый вечер, когда Рокси вышел как *мальчик*, он сорвал только... – говорит Уолтер и хлопает один раз в ладоши. – Зато в следующий вечер, когда он танцевал в женском платье, ему аплодировали стоя, потому что никто раньше не видел трансвестита, танцующего чечетку.

Театр Уолтера и Рокси работает до сих пор. Официально их шоу: «Уолтер Коел представляет: Это не женщина – это Дарселл XV и компания» – и это последнее в городе настоящее бурлеск-шоу. В темной традиции кабаре и мюзик-холлов Северной стороны это ведущий, «выставочный» театр, где – прихворнувшее или здоровое – шоу, как и положено, продолжается. Даже сейчас, в возрасте семидесяти одного года, Уолтер Коел устанавливает освещение сцены. Чистит туалеты. Сам шьет костюмы. А когда после сильных дождей заливает подвал, убираться там – тоже его работа.

Но когда поднимается занавес, Уолтер выходит на сцену в платье и украшениях Грейси Хансен. Он смеется ее смехом. Пересказывает ее шутки. Ну... то есть шутки Тотти Филдз.

– Я выйду на пенсию, только когда меня вынесут вперед ногами, – говорит Уолтер. – И я надеюсь, что в этот день зал будет полон.

– И все хорошо посмеются, – говорит Рокси.

– И будут мне аплодировать стоя, – говорит Уолтер.

Вот адрес Дарселл: Третья авеню (СЗ), 208. Телефон: 503-222-5338.

10. За закрытыми дверями

В Портленде много красивых исторических зданий, и туда даже можно попасть, главное – выбрать правильный день. Чтобы не лишиться налоговых льгот на собственность, владельцы исторических зданий должны открывать их для публики по крайней мере один день в году. Информацию о том, какие из портлендских зданий будут открыты для посещения в ближайшее время, вы найдете на сайте Бюро по охране исторических памятников www.shpo.state.or.us.

11. На месяц – в монахи

Если вам все надоело и охота сбежать от *всего*, можно на месяц уйти в монастырь. В траппистском аббатстве Богоматери Гваделупской вас примут в монахи на тридцать дней. Каждое утро в 04:15 вас будут будить на молитву, а днем вы будете трудиться вместе с другими монахами: переплетать книги, печь фруктовые кексы и ухаживать за деревьями в лесу вокруг их уединенного монастыря. Аббатство находится к юго-западу от Портленда, в маленьком городке Лафайет. Телефон: 503-852-0107. Почтовый адрес: Monastic Life Retreat, Trappist Abbey, Lafayette, OR 97127.

12. Чистка трицератопса

Шестьдесят пять миллионов лет назад детеныш трицератопса попытался перейти через реку в доисторической местности, которая потом станет восточным Вайомингом. Малыш не справился с этой задачей, вернее – не справилась, потому что это была девочка. Она утонула. И теперь она ждет, укутанная толстым слоем окаменевшего за миллионы лет ила, когда вы придете и поможете соскребти эту «одежку». По словам Грега Дардиса, веду-

щего лектора по геологии и географии в ОМНТ, эта чистка займет как минимум лет пятнадцать, а то и двадцать.

– Палеонтология – это прежде всего смирение и терпение, – говорит Грег.

– И *мозоли*, – добавляет волонтер Арт Джонстоун, который скоблит затвердевший ил зубочисткой. Орегонский музей науки и техники расположен по адресу: Уотер-авеню (ЮВ), 1945.

13. Судебные слушания по виндикационным искам

Если вы думаете, что традиция устного сказительства давно умерла, вам стоит прийти на судебные слушания по виндикационным искам в любой будний день с девяти утра. Слушания проходят в здании Окружного суда Малтномаха, на углу Четвертой авеню (ЮЗ) и Мейн-стрит. Главный вход – с Четвертой авеню. Комната № 120. Все грязное белье – напоз. Дым коромыслом. Это профессиональный рестлинг от юрисдикции.

14. Дефлорационные пляски

Уже больше двадцати лет на субботнем полуночном сеансе в кинотеатре «Клинтон-Стрит» крутят «Шоу ужасов Рокки Хоррора». По словам Рейчел, студентки Учебного центра городской общины, что в северо-западном Портленде, тот, кто пришел в первый раз на костюмированный просмотр, объявляется «девственником», и его вытаскивают на сцену для церемонии приема в сообщество. Совершеннолетних отделяют от несовершеннолетних, и...

– Одну девочку вытащили на сцену и раздели догола, – говорит Рейчел. – Потом обмотали ее марлей, полили какой-то липкой красной дрянью и объявили использованным тампоном.

Рейчел называет все это дефлорационными плясками. По окончании церемонии новичок клятвенно обещает приходить на просмотр «Шоу ужасов» как минимум три раза в год.

«Шоу ужасов Рокки Хоррора» идет в кинотеатре «Клинтон-стрит» (Клинтон-стрит (ЮВ), 2522) каждую субботу. Начало сеанса – ровно в полночь.

(открытка из 1985-го)

На третью ночь выездных съемок никто не может найти наше мясо.

Декораторы и бутафоры кипят от злости. Они специально закупились у мясника, так чтобы куски были нарезаны определенным образом. Стейки – толстые, как толковые словари. Отбивные размером с теннисные туфли. Они потратили время, натирая сырое мясо пудрой, чтобы оно не бликовало под прожекторами. Чтобы оно нормально смотрелось на пленке.

Съемки проходят в супермаркете «Corno's» на углу Юнион-авеню (ЮВ) и Моррисон-стрит. Снимается видеоклип группы «Кавалькада звезд», иногда просто «КЗ». Песня называется «Мясник». Всю ночь, от закрытия до открытия магазина, съемочная группа трудится «на натуре». И так – каждую ночь.

Мальчики на подпевках одеты мясниками, в длинных белых халатах, но с покрашенными голубыми тенями глазами и с фиолетовыми или ярко-красными румянами на щеках. Волосы густо намазаны гелем и торчат затвердевшими гребнями. Девочки на подпевках одеты в полосатые трико и рубашки на два-три-четыре размера больше, с оторванными рукавами и воротниками. Ярко-желтые или кислотно-розовые. Девочки специально следят за тем, чтобы рубашки сползали с плеч – чтобы непременно сверкнуть голым плечиком. Их волосы окрашены прядями, ярко-зелеными или розовыми, и подвязаны обрезками кружев, синих или оранжевых. Глаза густо покрашены черным, так что кажется, будто они провалились в глубокие ямы.

Дубль за дублем мальчики переключаются куски мяса туда-сюда за стойкой в мясном отделе, старательно изображают бурную деятельность, хватают мясо грязными руками и роняют его на пол. Девочки танцуют с магазинными тележками вместо партнеров.

В эпизодических ролях снимаются местные знаменитости. На одном кадре, на заднем плане, рок-критик Джон Уендеборн пьет шампанское. Билли Рэнчер, солист группы «Билли Рэнчер и ненастоящие боги», смотрится очень круто, его волосы покрашены разноцветными прядями, его группа считается следующим портлендским «Quarterflash'ем».

Я здесь тоже не просто так. Мы как-то сидели с друзьями в баре, и ко мне подошел незнакомый мужик, дал визитку и сказал, чтобы я приходил на пробы. Мне дали роль: смотреть на солистку, Ронду Кеннеди, зазывным взглядом и заниматься с ней любовью в мясном холодильнике. В клубах тумана от сухого льда мы с ней возимся, голые, на большой антикварной кровати в окружении кусков замороженной вырезки.

Под светом красных и синих прожекторов в холодильнике мороженое мясо оттаивает. Свиная и говяжья кровь капает прямо на нас. Капает прямо на красную шелковую постель. Ронда угощает меня моим первым в жизни кокаином, вручает мне толстый пакетик, который я благополучно занюхиваю в сортире, запершись в кабинке. Я не знаю, как это делается, и просто сую нос в пакетик с белым порошком и вдыхаю все в один вдох. Вся рожа красная, присыпана белым – сейчас я вполне бы сошел за кусок пропавшего мяса.

И Ронда говорит:

– Это было *для всех*.

Мы с ней обнимаемся и кружимся в танце под разноцветными прожекторами, падаем на большую сырую кровать, и Рондина грудь выскакивает из черного кружевного бюстье.

И режиссер кричит:

– Снято.

В перерывах между дублями, пока техники подправляют свет и переставляют камеры, Билли Рэнчер и девочки из массовой гуляют по Юнион-авеню (ЮВ), взявшись за руки. По пустой улице в три часа ночи. Они заходят на старую автозаправку – там есть круглосу-

точная кафешка, где обычно тусуются дальнобойщики на ночных рейсах. Эти гламурные яркие девочки курят гвоздичные сигареты, пьют кофе и ослепляют механиков своим блеском.

Почти все работают за бесплатно. Нам обещают процент от прибыли с реализации. Остается надеяться, что клип хорошо пойдет на MTV.

Через пару лет Билли Рэнчер умрет от рака. Джона Уендеборна попрут с работы. Супермаркет «Corno's» закроется. Юнион-авеню переименуют в улицу Мартина Лютера Кинга-младшего. Снесут даже старую автозаправку, а на ее месте построят новый мини-маркет.

Очень скоро далай-лама вlepит пощечину Ронде Кеннеди, и она сделается активисткой движения освобождения Тибета. Она будет сопровождать команду буддистских монахов, «танцующих мощей», в турне Lollapalooza вместе с «Bestie Boys». Через пятнадцать лет после той незабываемой ночи в постели, пропитанной холодной кровью животных, Ронда мне говорит, что самое противное в этой жизни – ходить в туалет в гастрольном автобусе после буддистских монахов: им запрещено прикасаться к своему пенису, а писать сидя они категорически не желают.

И все же в ту ночь наши глаза, густо намазанные голубыми тенями, горят от восторга, и мы верим, что этот клип сделает нас знаменитыми. Мы будем выглядеть молодо и роскошно – всегда.

Бутафоры все-таки выясняют, куда делось мясо. Наши реквизитные стойки и вырезки, натертые пудрой, захватанные руками, не раз повалянные по полу, по ошибке перемололи на фарш для котлет. И распродали все еще утром.

Ням-ням: где можно вкусно покушать

А теперь, когда вы прочитали историю про грязное мясо... самое время чего-нибудь съесть. У меня есть несколько любимых мест, где можно вкусно покушать, и мне удалось уговорить тамошних поваров поделиться своими тайными рецептами. Приготовьте что-нибудь дома и устройте себе настоящий портлендский обед. А если вы вдруг оказались в Портленде и зашли пообедать в какое-то заведение из перечисленных ниже, вполне вероятно, что я сижу за соседним столиком.

«Алиби»

«Алиби» с его скульптурными изображениями танцоров гавайского танца хула, с его раскидистыми пальмами и кокосами – это портлендский ответ «Острову Гиллигана». Этот единственный в городе тики-бар расположен по адресу Интерстейт-авеню (С), 4024. Телефон: 503-287-5335. Летом там проходят «Экзотики» – ежегодный фестиваль плохой тропической музыки. Гвоздь программы – двадцатичетырехчасовая языческая вуду-церемония бракосочетания для всех желающих. Зимой здесь собираются буйствующие Санта Клаусы, любители пения под караоке.

Кафе «Дельта»

По словам хозяйки кафе, Анастасии Корья, эти гороховые оладьи – самая лучшая закуска. А шеф-повар и кинорежиссер Райан Ротермел – в числе прочего снявший фильмы «Амперсанд» и «Любовник или печенка» – советует добавить в подливку два жгучих перчика халапеньо, нарезанных кубиками. Эти рецепты рассчитаны на ресторанный объем, так что приглашайте гостей – или убавьте количество исходных продуктов путем простых математических вычислений. А еще лучше сходите в «Дельту» на Вудсток-бульвар (ЮВ), 4607. Там все очень вкусно. Телефон: 503-771-3101.

Оладьи

12 стаканов пшеничной муки
4 чайные ложки соды для выпечки (разрыхлителя)
2 чайные ложки соли
12 яиц
5 стаканов молока
340 граммов растопленного сливочного масла
4 стакана сырых кукурузных зерен
4 стакана вареного гороха с черными крапинками (рецепт см. ниже)

Смешать все сухие ингредиенты. Добавить все остальное и как следует перемешать. Разогреть сковородку с растительным маслом и жарить оладьи до золотисто-коричневой корочки.

Подливка к оладьям

2,25 кг вареного гороха с черными крапинками (8 стаканов)

1 банка нарезанного зеленого перца чили (750 граммов)
450 граммов твердого сыра, натертого на терке (4 стакана)
220 граммов растопленного сливочного масла

Смешать все ингредиенты. Третью полученной смеси измельчить в миксере, чтобы получилась однородная масса. Массу как следует перемешать с оставшимися двумя третями первоначальной смеси и разогреть на водяной бане, пока сыр не расплавится.

Вареный горох с черными крапинками

*4,5 кг сухого гороха с черными крапинками
1 пучок сельдерея, мелко нарезать
2 желтые луковицы, мелко нарезать
4 морковки, нарезать дольками
4 столовые ложки соли
2 столовые ложки черного перца
2 лавровых листа
110 граммов очищенных цельных зубчиков чеснока (примерно 1 стакан)*

Сложить все в кастрюлю, залить водой и варить 45 минут или пока горох не станет мягким. При необходимости добавить воды.

Ресторан «Fuller's»

Приходите сюда позавтракать или пообедать и не забудьте купить домой буханку еще горячего, только из печки, «домашнего» хлеба. Адрес: Девятая авеню (СЗ), 136. Телефон: 503-222-5608.

«Le Happy»

Хозяин этого заведения Джон Бродье, по совместительству еще и менеджер «Pink Martini» – команды, популярной здесь, в Штатах, а во Франции и вовсе культовой.

– Когда мы с «Pink Martini» гастролировали в США и Франции, – говорит Джон, – как-то так получилось, что нам всегда попадались кафешки, где подавали изумительные блины. И я решил открыть свою блинную. Так что теперь, когда к нам приезжают французы, мы угощаем их настоящими французскими блинчиками в Портленде, штат Орегон. Подробнее см. на сайте www.lehappy.com. Адрес: Шестнадцатая авеню (СЗ), 1011. Телефон: 503-226-1258.

Блинчики от «Le Happy»

Обычно блинчики подают сложенными пополам или в форме «конвертика» с загнутыми краями, так что из круглого блинчика получается квадратик. Но дома их можно просто свернуть в трубочку с начинкой внутри.

На 8 блинчиков, 4 порции

Тесто для гречишных блинов

*¾ стакана пшеничной муки
¼ стакана гречишной муки
1,3 стакана молока
2 яйца
¼ стакана воды
¼ чайной ложки соли*

перец по вкусу
2 столовые ложки растопленного сливочного масла
растительное масло для жарки

Грибное рагу для начинки

450 граммов грибов (примерно 6 стаканов), мелко нарезать
2 столовые ложки сливочного масла
1,5 чайной ложки молотых сушеных порчини (см. примечание)
½ стакана сухого хереса
соль и перец по вкусу
1 стакан жирных сливок
8 столовых ложек тертого сыра (швейцарского или Gruyere)
2 стакана свежего шпината, мелко нарезать
110 граммов козьего сыра (½ стакана)
2 столовые ложки свежей петрушки, мелко нарезать
½ чайной ложки свежего тимьяна, измельчить
4 столовые ложки сметаны (см. примечание)

ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНИЯ БЛИНЧИКОВ: смешать оба сорта муки. Добавить молоко и яйца и как следует перемешать. Добавить воду, соль, перец и растопленное сливочное масло. Перемешать до получения однородного теста консистенции густых сливок.

Разогреть сковородку с непригорающим покрытием (специальную восьмидюймовую сковородку для блинчиков или сковороду для омлета) на среднем огне и слегка смазать ее растительным маслом. Вылить на разогретую сковородку ¼ стакана теста и быстро наклонить сковородку, чтобы тесто растеклось по ней равномерно. Когда нижняя часть подрумянится и станет золотисто-коричневой, перевернуть блинчик и быстро пропечь другую сторону. Готовый блинчик переложить на подогретую тарелку. Точно так же испечь остальные блинчики. До подачи на стол держать в теплой духовке.

ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНИЯ ГРИБНОГО РАГУ: грибы обжарить на сливочном масле, на сильном огне, пока они не сделаются мягкими и не начнут выделять сок. Добавить херес и молотые сушеные порчини и тушить на сильном огне, пока херес не выпарится почти весь. Посолить, поперчить, добавить сливки. Варить на сильном огне, пока соус не загустеет. Попробовать, что получилось. При необходимости добавить еще соли и перцу. Держать в теплом месте, пока не понадобится.

БЛИНЧИКИ С НАЧИНКОЙ: разогреть духовку до 250°. Положить на тарелку блинчик и посыпать его 1 чайной ложкой тертого сыра. На сыр положить ¼ стакана мелко нарезанного шпината и ⅛ часть грибного рагу. Посыпать раскрошенным козьим сыром (1 столовая ложка) и смесью петрушки с тимьяном. Скатать блинчик в рулетик и положить в поддон для выпечки «шовчиком» вниз, повторить то же самое с остальными блинчиками. Поддон накрыть крышкой и прогреть блинчики в духовке 10–15 минут. Подавать горячими, полив сметаной.

Примечание: сухие грибы порчини продаются в специализированных магазинах. Их можно перемолоть в мельнице для специй или в электрической кофемолке.

Сметану можно приготовить самим: возьмите две части густых сливок и одну часть пахты, перемешайте, оставьте на ночь, чтобы сливки загустели и скисли, а потом уберите в холодильник.

Западный кулинарный институт

Старая портлендская гвардия богатых скряг ревниво хранит эту маленькую тайну. Официанты и повара кулинарного института не просто работают за зарплату, они получают дипломы и обеспечивают себе будущее. Столовая при институте обставлена очень уютно, почти по-домашнему. Обслуживают очень быстро – не больше двух столиков на одного официанта. Никаких фабричных жиров – только натуральное масло и сливки. Кормят не просто вкусно, а потрясающе вкусно. Хороший домашний обед по цене фаст-фуда. Плюс к тому – бесплатная автостоянка. Неудивительно, что обеденный зал всегда полон.

Адрес: Тринадцатая авеню (ЮЗ), 1316. Телефон: 503-294-9770. Обед подают с 11:30 до 13:00. Пять блюд за \$9,95. Ужин: 18:00–20:00. Шесть блюд за \$19,95. По четвергам – «шведский стол», как минимум тридцать пять разных блюд на выбор. *Очень важно:* рекомендуется заказывать столик как минимум за неделю.

«Бурная страсть»

Ресторан располагается в здании, где раньше было заведение из сети секс-саун «Ginger's» – массажных салонов «для джентльменов, желающих провести время с пользой», которые буквально усеяли Портленд в 1970-х годах. Сейчас там уже не джентльмены, но зато потрясающе кормят обедами (и завтраками – на выходных). Приходите, поздоровайтесь с хозяином, Майклом Коксом, и посмотрите, может, вы встретите там актрису Линду Блер, которая давно уже стала завсегдатаем «Бурной страсти», где большой выбор вегетарианских блюд. Адрес: Бельмонт-стрит (ЮВ), 2411. Телефон: 503-232-4458.

Меню постоянно меняется, но я всегда беру:

Пшеничные лепешки с лимоном и лавандой «Дин Блер»

1,5 стакана пшеничной муки
½ столовой ложки соды для выпечки (разрыхлителя)
½ чайной ложки пищевой соды
½ стакана коричневого сахара
½ чайной ложки соли
110 граммов холодного сливочного масла, нарезать кубиками
1 столовая ложка цветков лаванды
цедра одного лимона
½ стакана пахты
1 небольшое яйцо
1 чайная ложка ванильного экстракта

Предварительно разогреть духовку до 350°.

Смешать муку, разрыхлитель, соду, сахар и соль. Добавить нарезанное кубиками масло, лаванду и цедру лимона. В другой миске смешать пахту, яйцо и ванильный экстракт и взбить вилкой. Сделать углубление в центре сухих ингредиентов, влить туда полученную смесь. Перемешать все резиновой лопаточкой, пока мука не пропитается. Переложить на противень, раскатать в пласт диаметром около 9 дюймов и толщиной в $\frac{3}{4}$ дюйма. Разрезать

на восемь частей, посыпать коричневым сахаром. Выпекать в разогретой духовке в течение 25–30 минут.

(открытка из 1986-го)

Где-то за стенкой орет мужик – что-то про бесов и демонов. Где-то в другой палате он кричит в полный голос и воет – что-то про ниггеров и грязных пидоров, которые только и думают, как бы его схватить. Он орет на весь третий этаж:

– Отойди от меня, мудила!

И эти вопли не прекращаются ни на секунду.

Это больница Эмануэль, большой медицинский комплекс на восточном конце Фре-монт-Бридж. Я здесь волонтер в благотворительном хосписе. Работаю шофером. Развожу людей из больницы в больницу. В основном родственников умирающих пациентов. В основном матерей, которые приехали навестить детей. А когда их сын или дочь умирает, я отвожу их в аэропорт, чтобы они улетели домой.

Один парень у нас умирает от СПИДа и, наверное, сегодня умрет. Его мама сидит у постели, держит его за руку и поет «Сверкай, сверкай, звездочка» («Twinkle, Twinkle Litter Star») – снова и снова. Она говорит, что, когда он был маленьким, это была его самая любимая песенка. Сейчас он – просто кожа да кости. Лежит, свернувшись клубочком, под тонким вязаным одеялом. Ему поставили капельницу с морфином, так что препарат поступает в кровь через каждые пару секунд. Лицо у него изможденное, желтое и как будто ссохшееся – это значит, что я привез сюда маму в последний раз.

Мама из Миннесоты, мне кажется. Или из Монтаны. Я по опыту знаю, что люди не умирают, как в фильмах. Как бы кошмарно они ни выглядели, они все равно ждут, пока ты не уйдешь. Ближе к полуночи, когда я наконец увезу его маму в мотель на Бернсайд-стрит (В), когда он останется совсем один, он умрет. Ее сын.

А сейчас она поет ему «Звездочку» снова и снова, пока слова не утрачивают значение. Пока слова не превращаются в мантру. В птичью трель. Просто звуки – без всякого смысла. Я смотрю на часы.

А потом начинаются вопли. Про латиносов, ниггеров, пидоров и прочих мудил. Кричит мужчина хриплым и зычным голосом. Где-то на нашем этаже.

Заходит медсестра, чтобы объяснить, что происходит. У мужчины, который кричит, – передозировка наркотиков, и они там не могут его успокоить, потому что не знают, какие наркотики он уже принял. Медсестра говорит, что его связали, и его палата – в самом конце коридора, но нам придется терпеть его вопли, пока он сам не выдохнется.

А мужик все надрыгается – про жидов и азиатов.

При каждом вопле умирающий сын слегка вздрагивает и морщится, а его мать прерывает песню. По прошествии какого-то времени, после нескольких автоматических инъекций морфина, мужик в дальнем конце коридора все еще продолжает кричать про демонов и бесов, и мама берет свою сумку. Встает.

Идет к двери. Я – следом за ней.

Похоже, она сдалась. Прямой наводкой – обратно в мотель. В аэропорт. В Миннесоту.

Мы идем по больничному коридору, и крики становятся громче, ближе, и вот мы уже поравнялись с дверью в палату, где лежит тот мужик. Дверь приоткрыта, но кровать занавешена занавеской. Мама входит в палату. Проходит за занавеску.

Мужик кричит, обзывает ее мандой. Говорит ей: уйди от меня.

Я тоже иду посмотреть. Мужик лежит голый, его руки и ноги привязаны кожаными ремнями к хромированным поручням на кровати. Он очень большой, просто огромный, занимает всю койку, так что под ним и не видно матраса. Он весь извивается, пытаясь выбраться из ремней, все его мышцы напряжены, вены выступают под кожей, почти сплошь покрытой татуировками – змеи и женщины в ярко-красных и синих тонах. Лицо у него

горит, он кричит, зовет «ебаную» медсестру. Она, «блядь, должна быть при мне, а не где-то там шлаться». Его руки и ноги привязаны к поручням, он корчится, бьется и извивается. Как рыба на горячем песке. Вены на обеих руках истыканы иглами. От локтей до запястий идут «дорожки» от старых инъекций.

Мама ставит свою сумку на краешек его постели. Она говорит:

– Симпатичные татуировки.

Я это запомнил, потому что она ничего больше не говорила. Потом она достает из сумки салфетку. Старую, смятую бумажную салфетку.

Когда рассказываешь про голого мужика, никак нельзя обойти вниманием его член и яйца. У него это – единственное, что не корчится и никуда не рвется. И на чем нет татуировок. Это самые обыкновенные гениталии – красная, съежившаяся плоть в гнезде из черных волос на лобке.

Кстати сказать, я работаю волонтером в больницах с четырнадцати лет. Там, где я вырос, для того, чтобы пройти обряд конфирмации в католической церкви, надо несколько сотен часов оттрубить на волонтерской работе. А пойти волонтером можно было только в больницу Лурдской Богоматери. Вот так и вышло, что я в четырнадцать лет занялся чистой родильных палат. Никаких тебе резиновых перчаток. Все – голыми ручками. Выкидываешь послед. Отдираешь засохшую кровь с поддонов из нержавеющей стали. Можно представить, как мне это нравилось. И еще я вытирал пыль с полок в аптеке при госпитале. Еще пара лет, и я бы только мечтал о такой работе – «шведский стол» болеутоляющих препаратов, и все для меня одного, и никого нет поблизости, – но в четырнадцать лет это была скука смертная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.